

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
П49

Серия «Звезды детектива»

Donald Ray Pollock
THE DEVIL ALL THE TIME

This edition is published by arrangement
with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского: *Сергей Карпов*
Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Поллок, Рэй Дональд

П49 Дьявол всегда здесь / Дональд Рэй Поллок.— Москва:
Издательство АСТ, 2020.— 347, [3] с.— (Звезды детектива)

ISBN 978-5-17-115502-5

Уиллард Рассел, ветеран Второй мировой войны, пытается спасти свою умирающую от болезни жену. Медленно сходя с ума, он начинает думать, что ее уберезет только жертвенная кровь, пролитая на «молитвенное бревно», которое он нашел в лесу недалеко от дома. На дорогах охотится на автостопщиков семейная пара серийных убийц, а проповедник, внушающий пастве веру с помощью пауков, бежит от правосудия и собственной совести. И посредине такого кошмара растет Эрвин, сын Уилларда, который очень хочет вырасти хорошим человеком, но мир не дает ему это сделать. Судьбы героев сплетутся в единый узел, и не всем удастся выбраться из него живыми.

Copyright © Donald Ray Pollock, 2011
© Сергей Карпов, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Снова посвящаю Пэтси

Пролог

Южный Огайо. Мерзким утром под конец сырого октября Эрвин Юджин Рассел торопился за своим отцом Уиллардом вдоль края пастбища, выходящего на длинное и скалистое ущелье под названием Нокемстифф. Уиллард был высоким и костлявым, и Эрвин поспевал за ним с трудом. Поле заросло кустами шиповника и пожухлыми клоками песчанки и чертополоха, а туман — плотный, как серые облака над головой, — был девятилетнему мальчику по колено. Через несколько минут они свернули в лес и спустились с пригорка по узкой оленьей тропе, пока не вышли к бревну, лежащему на полянке, — останкам большого красного дуба, рухнувшего много лет назад. В нескольких ярдах от них на мягкой почве крепился к востоку обветренный крест, сбитый из досок, отодранных с задней стенки покосившегося сарая у них за фермой.

Уиллард подошел к высокой стороне бревна и жестом велел сыну встать вместе с ним на колени в опавшие влажные листья. Если только по венам не бежал виски, Уиллард приходил на поляну каждые

ПРОЛОГ

утро и вечер, чтобы поговорить с Богом. Эрвин не знал, что хуже — выпивка или молитвы. Сколько он помнил, казалось, его отец всегда сражался с дьяволом. Эрвина прошибла легкая дрожь от сырости, он запахнул куртку. Лучше бы остался в постели. Школа со всеми ее мучениями и то приятней, но сегодня суббота, увильнуть было невозможно.

За почти голыми деревьями за крестом Эрвин видел завитки дыма из нескольких труб в полумиле отсюда. В Нокемстиффе в 1957 году проживало около четырехсот человек, почти всех связывало кровное родство из-за какого-нибудь забытого богом бедствия — будь то похоть, нужда или простое невежество. В ущелье вместе с крытыми толем хижинами и бетонными домами стояли два магазина, церковь Христа в Христианском Союзе и шалман, известный всему городу как «Загон». Хотя Расселы снимали дом на вершине Митчелл-Флэтса уже пять лет, большинство соседей снизу до сих пор считали их чужаками. В школьном автобусе Эрвин был единственным ребенком, который не приходился никому родственником. Три дня назад он опять вернулся домой с подбитым глазом. «Я не одобряю драки ради драки, но какой же ты иногда тютя,— сказал ему тем вечером Уиллард.— Может, те ребята и здоровей тебя, но если кто потом опять что начнет, то я хочу, чтобы ты это закончил». Уиллард тогда стоял на крыльце, переодевался после работы. Передал Эрвину коричневые штаны, твердые от запекшейся крови и засохшего жира. Он работал на бойне в Гринфилде, и в этот день забили тысячу шестьсот свиней — новый рекорд «Фасованного мяса Р. Дж. Кэрролла». Хотя

мальчик еще не знал, кем хочет стать, когда вырастет, забивать ради заработка свиней его не тянуло.

Они как раз начали молитву, но вдруг сзади с резким хрустом сломалась ветка. Когда Эрвин стал поворачиваться, Уиллард поймал его за плечо, но мальчик успел заметить в бледном свете двух охотников — грязных и потрепанных мужиков, которых видел несколько раз на переднем сиденье старого седана в стружьях ржавчины, на стоянке магазина Мод Спикмен. Один нес коричневый мешок, с дном, заляпанным ярко-красным. «Не обращай внимания, — тихо сказал Уиллард. — Сейчас время Господа и больше ничье».

Зная, что мужчины рядом, Эрвин нервничал, но все же вернулся на место и закрыл глаза. Уиллард считал бревно не менее святым, чем любую рукотворную церковь, и обижать отца мальчику хотелось меньше всего, — хотя иногда это казалось безнадежным делом. В чаще опять стало тихо — только капала с листьев влага и скребла на дереве белка. Только Эрвин подумал, что мужчины ушли, как один хрипло произнес:

— Черт, да у них тут целое бдение.

— Потихе, — услышал Эрвин второго.

— Блин. Видать, самое время навеститься к его старушке. Небось как раз для меня постель греет.

— Завали, Лукас, — буркнул второй.

— А чего? Только не говори, что сам бы отказался. Телка что надо.

Эрвин беспокойно глянул на отца. Глаза Уилларда были закрыты, большие руки сплелись на вершине бревна. Губы быстро двигались, но слов не разобрал

ПРОЛОГ

бы никто, кроме Творца. Мальчик вспомнил, что накануне говорил Уиллард: надо стоять за себя. Значит, и это просто слова. Сердце екнуло от мысли, что теперь долгая поездка на школьном автобусе станет еще хуже.

— Ну слышь, тупой ты сукин сын,— сказал второй,— мне тут уже тяжело становится.

Эрвин слышал, как они развернулись и возвратились по склону холма в ту сторону, откуда пришли. Еще долго после того, как затихли шаги, доносился хохот болтливого.

Несколько минут спустя Уиллард встал и подождал, пока сын договорит «аминь». Потом они молча вернулись к дому, соскоблили грязь с подошв о ступени крыльца и вошли на теплую кухню. Мать Эрвина, Шарлотта, жарила полоски бекона на железной сковородке, взбивала яйца вилкой в синей миске. Налила Уилларду чашку кофе, перед Эрвином поставила стакан молока. Ее черные блестящие волосы были завязаны в хвост резинкой, на ней были полинявший розовый халат и пушистые носки — один с дыркой на пятке. Глядя, как она ходит по кухне, Эрвин пытался представить, что бы случилось, если бы охотники отправились к ним домой, а не ушли восвояси. Его мать была самой красивой женщиной из всех, что он видел. Интересно, пустила бы она их в дом?

Доев, Уиллард отодвинулся на стуле и вышел с мрачным видом на улицу. С самой молитвы он не произнес ни слова. Шарлотта встала из-за стола и подошла с кофе к окну. Смотрела, как он топает по двору в сарай. Задумалась, нет ли у него там бутылки в заначке. К той, которую он держал под раковинной,

не прикасались уже несколько недель. Обернулась к Эрвину.

— Папа на тебя за что-то сердится?

Эрвин покачал головой.

— Я ничего не сделал.

— Я не об этом спрашиваю,— сказала Шарлотта, прислоняясь к кухонной стойке.— Мы оба знаем, какой он бывает.

На мгновение Эрвин подумал о том, чтобы рассказать матери, что случилось у моельного бревна, но так и не смог побороть стыд. На душе стало нехорошо от одной мысли, что отец выслушал, как о ней так говорят, и просто пропустил мимо ушей.

— Ходили на бдения, вот и все,— сказал он.

— Бдения? — спросила Шарлотта.— Где ты такого нахватался?

— Не знаю, просто где-то слышал,— потом он встал и прошел по коридору в свою спальню. Закрыл дверь и лег на кровать, накрывшись одеялом. Перевернулся на бок, уставился на картинку с распятым Христом, которую Уиллард повесил над расцарапанным и побитым комодом. Такие же картины с казнью Спасителя можно было найти во всех комнатах, кроме кухни. Тут Шарлотта провела черту — так же, как когда он начал водить Эрвина в лес молиться. «Только по выходным, Уиллард, и точка»,— сказала она. Она считала, что слишком много религии — не лучше, чем слишком мало, а то и хуже, но умеренность просто была не в натуре ее мужа.

Где-то час спустя Эрвина разбудил голос отца с кухни. Он слетел с кровати и разгладил складки на шерстяном одеяле, потом подошел к двери и

ПРОЛОГ

прижался к ней ухом. Услышал, как Уиллард спрашивает Шарлотту, не нужно ли им что в магазине. «Мне надо заправить машину для работы», — говорил он. Услышав шаги отца в коридоре, Эрвин быстро отпрянул от двери. Встал у окна, притворяясь, что рассматривает наконечник стрелы, который взял из своей маленькой коллекции сокровищ на подоконнике. Дверь открылась.

— Прокатимся, — сказал Уиллард. — Чего тебе сидеть весь день дома, как коту.

Когда они выходили из двери, Шарлотта крикнула с кухни: «Сахар не забудь». Сели в пикап и проехали до конца колеи, а потом спустились по Баум-Хилл-роуд. У дорожного знака Уиллард повернул налево, на заасфальтированный участок дороги, пересекающей Нокемстифф надвое. Хотя поездка в магазин Мод не занимала больше пяти минут, Эрвину всегда казалось, что если спуститься с Флэтса, то как будто въезжаешь в другую страну. У Паттерсонов в открытых дверях обветшало гаража собралась стайка ребятишек — некоторые младше его, — передавали по кругу сигареты и по очереди били распотрошенный остов оленя, висящий на крюке. Пока они проезжали мимо, один из мальчишек ухнул и два раза рассек ударом стылый воздух, и Эрвин сполз на сиденье пониже. Перед домом Джейни Вагнер во дворе под кленом ползал розовый младенец. Джейни стояла на просевшем крыльце, показывала на младенца и кричала кому-то в разбитое окно, залатанное картонкой. На ней было все то же, в чем она ходила в школу каждый день, — красная клетчатая юбка и поношенная белая блузка. Хотя Джейни была всего на

класс старше Эрвина, в автобусе по дороге домой она всегда сидела со старшими мальчишками сзади. Он слышал, как другие девочки говорили: ее, мол, пускают назад, потому что она раздвигает ноги и дает всем подряд. Он надеялся, что однажды, когда подрастет, узнает, что это значит.

Вместо того чтобы остановиться у магазина, Уиллард резко свернул направо, на гравийную дорогу под названием Шейди-Глен. Поднажал на газ и вылетел на грязный лысый двор вокруг «Загона». Тот был замусорен крышками от бутылок, сигаретными бычками и упаковками из-под пива. Там жил Снукс Снайдер — бывший железнодорожник, обросший бородавками из-за рака кожи, — вместе со своей сестрой Агатой, старой девой, которая день-деньской сидела у окна второго этажа во всем черном, притворяясь скорбящей вдовой. Снукс продавал с крыльца пиво и вино, а если знал тебя хотя бы в лицо, то с черного хода — и что позабористей. Для удобства клиентов сбоку от дома, под высокими платанами, стояло несколько столов для пикника — вместе с площадкой для игры в подкову и туалетом, который, всегда казалось, вот-вот завалится. Двое мужчин, что Эрвин видел этим утром в лесу, сидели в конце одного стола и пили пиво, прислонив ружья к дереву у них за спиной.

Пикап еще не остановился толком, а Уиллард уже распахнул дверь и выскочил. Один из охотников встал и кинул бутылку — она чиркнула по лобовому стеклу и с дребезгом упала на дорогу. Потом мужик развернулся и бросился наутек, хлопая полами изгвазданной куртки и бешено оглядываясь воспали-

ПРОЛОГ

ными глазами на здоровяка позади. Уиллард догнал и толкнул его в жирную слякоть, натекащую перед дверью туалета. Перевернув на спину, прижал тощие плечи мужика коленями и принялся месить кулаками бородатое лицо. Второй охотник схватил свое ружье и поспешил с коричневым пакетом под мышкой к зеленому «плимуту». Уехал, и лысые покрывки разбрасывали гравий всю дорогу мимо церкви.

Через пару минут Уиллард перестал бить. Встряхнул руками и глубоко вдохнул, потом подошел к столу, где сидели мужчины. Взял ружье у дерева, разрядил два красных патрона, потом размахнулся, как бейсбольной битой, и бил о ствол платана, пока оно не разлетелось на куски. Возвращаясь к пикапу, оглянулся и увидел: в дверях стоит Снукс Снайдер и целится в него из короткоствола. Уиллард сделал несколько шагов к крыльцу.

— Старик, если того же хочется,— громко сказал Уиллард,— то ты давай выходи. Я тебе этот ствол в жопу засуну.

Он стоял и ждал, пока Снукс не закрыл дверь.

Вернувшись в пикап, Уиллард залез под сиденье за тряпкой и стер с рук следы крови.

— Помнишь, что я тебе говорил? — спросил он Эрвина.

— Про пацанов в автобусе?

— Ну, вот что я имел в виду,— сказал Уиллард, кивнув на охотника. Выкинул тряпку в окно.— Просто надо выбрать правильное время.

— Да, сэр.

— В мире полно сукиных детей.

— Больше ста?

Уиллард усмехнулся и завел машину.

— Да уж как минимум,— он начал выжимать сцепление.— Пожалуй, лучше оставим это между нами, ладно? Ни к чему маму расстраивать.

— Нет, ей этого не надо.

— Хорошо,— сказал Уиллард.— Хочешь шоколадку?

Долго еще Эрвин будет считать этот день лучшим из проведенных с отцом. Тем вечером после ужина он пошел за Уиллардом обратно к моельному бревну. Когда они добрались, уже поднималась луна — осколок древней изглоданной кости в сопровождении одинокой дрожащей звезды. Они встали на колени, и Эрвин бросил взгляд на ободранные костяшки отца. На вопрос Шарлотты Уиллард ответил, что поцарапался, когда менял лысую крышку. Эрвин никогда раньше не слышал, чтобы отец врал, но не сомневался — Господь его простит. Этой ночью в неподвижном темнеющем лесу звуки, поднимающиеся из ущелья, были особенно отчетливыми. Звон подков о металлические штырьки у «Загона» почти напоминал колокольный, а дикие крики и ржач пьянчуг напоминали мальчику об охотнике, лежащем в крови и грязи. Отец преподавал ему урок, который тот никогда не забудет; и в следующий раз, когда кто-нибудь полезет на Эрвина, он поступит так же. Эрвин закрыл глаза и начал молиться.

Часть первая
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ